

Чу Сяохань не стал присоединяться к толпе. Он сразу же подошёл к Элу и Фэйфэю. Увидев подмогу, Эл наконец с облегчением отпустил Фэйфэя.

— Братик Сяохань, тут драка? — всё ещё немного растерянно спросил Фэйфэй.

Оглядев собравшихся, он с опозданием раскинул ручки, загоразивая собой Чу Сяоханя и Эла.

— Не бойтесь, Фэйфэй вас защитит. Фэйфэй очень сильный.

Фэйфэй постоянно занимался боксом с дедушкой Линь Госюном. Правда, дедушка так и не решился заставить малыша стоять в позе всадника, поэтому стойка у юного бойца, чья техника была ещё далека от совершенства, была не очень устойчивой. Линь Госюн уже давно заметил эту проблему и всё это время размышлял, как бы укрепить стойку Фэйфэя, не заставляя его при этом сильно страдать.

Иначе, если стойка слабая, сколько ни тренируйся, всё это будет лишь показухой. Встретив настоящего мастера, упадёшь от одного удара.

Да... Линь Госюн всё ещё размышлял.

Но даже так, справиться с четырьмя-пятью детьми для Фэйфэя не составляло труда.

Правда, малыш с самого детства почти ни с кем не дрался, опыта у него было маловато. Загородив Чу Сяоханя и Эла, он всё же немного побаивался.

«Так не пойдёт, — подумал Фэйфэй. — Я же должен защищать братика Сяоханя и Эла, как я могу бояться?»

И тогда малыш постарался широко раскрыть свои и без того круглые глаза и плотно сжал губы, пытаясь изобразить грозное, полное достоинства выражение лица, как у дедушки.

Маленький тигрёнок: «Р-р-р, я очень страшный!»

Цуй Юань подумал, что с Фэйфэем что-то не так. Они тут собираются мстить за него, а Фэйфэй вдруг, ни с того ни с сего, строит такие милые рожицы. Это же подрывает боевой дух!

Цзян Хань, который до этого дрожал от страха под натиском толпы, но всё же старался сохранять лицо, увидел, как Фэйфэй вдруг уставился на него, широко раскрыв глаза, и медленно, очень медленно отвернулся.

Если присмотреться, можно было заметить, что у него покраснели уши.

Фэйфэй очень старался выглядеть грозно, но все, кроме него самого, думали, что он нарочно милашничает.

Чу Сяохань, сжав губы, положил руки на плечи Фэйфэя и развернул его к себе. Затем он внимательно осмотрел малыша с головы до ног и спросил:

— Где-нибудь болит?

Фэйфэй инстинктивно потёр попку. Когда он падал, он приземлился именно на неё. Но, поскольку он был лёгким, было не очень больно. Он внимательно прислушался к себе и сказал братику Сяоханю:

— Попа болит, но только чуть-чуть.

Малыш показал большим и указательным пальцами крошечное расстояние, чтобы показать, что болит совсем немного.

Цуй Юань, Лян Ханюй и Чжан Сяоху, которые внимательно прислушивались к разговору Фэйфэя и Чу Сяоханя, услышав это, пришли в ярость. Цуй Юань, казалось, вот-вот набросится на обидчиков:

— Вы ещё и Фэйфэя по попе били?!

Эл, непонятно где раздобывший палку, тоже стоял рядом и грозно вопрошал:

— Прежде чем толкнуть Фэйфэя, ты его ещё и по попе ударил? Как ударил? Чем?

Если другие могли что-то неправильно понять, то Эл, который был рядом с Фэйфэем с самого начала, тоже подтвердил, что этого мальчика толкнули.

Это стало последней каплей.

— Толкать Фэйфэя, бить Фэйфэя, да вы совсем не уважаете нашу группу «Гого» из детского сада «Муян»! А ну-ка, бросайте оружие и сдавайтесь, мы вас тоже побьём!

— Что тут стоять? Все вместе, отомстим за Фэйфэя!

Цзян Хань был готов взорваться от обиды.

— Я его не бил! — крикнул он. — Я его только толкнул и посмеялся, что он ещё от груди не отнялся. Он сам упал!

Цуй Юань посмотрел на Фэйфэя.

Фэйфэй кивнул.

Цзян Хань и его дружки, внезапно оправданные, затараторили:

— Видите, я же говорил! Мы его не били! Наш босс просто вот так его сзади толкнул, а он пил воду и сам на себя пролил. А потом босс посмеялся, что он ещё маленький, и хотел посмотреть, не молоко ли у него в бутылке. Он сам от нас уворачивался и упал. И вода на него тоже потом сама вылилась. Мы тут совсем ни при чём! Мы не виноваты, вы нас зря обвиняете!

Один из дружков говорил с таким праведным негодованием и, чтобы показать, как «вот так его толкнул», с такой силой толкнул стоявшего рядом приятеля, что тот отлетел на несколько шагов и еле устоял на ногах.

Но этот дружок, казалось, даже не заметил, что натворил, и продолжал без умолку тараторить, не замечая, как атмосфера вокруг накаляется.

Чжао Ци к этому времени уже вошёл в самый центр окружения и, услышав последнюю тираду, а также увидев демонстрацию «толчка», от которого человек чуть не улетел, пришёл в ярость.

Он с силой ударил ладонью по учительскому столу и, тяжело дыша, прорычал:

— И это, по-вашему, не драка? С такой силой толкать — это не драка? Вы думаете, если Фэйфэй упал не из-за вас, вы не виноваты? Почему вы вообще толкнули Фэйфэя, когда он спокойно стоял и пил воду? Что у вас руки чешутся? И ещё смеялись над ним! Какое вам дело, отняли его от груди или нет? Даже если он всю жизнь захочет пить молоко, мы ему обеспечим, вас это не касается! И ещё, если бы вы не пытались отнять у него бутылку, разве Фэйфэй стал бы уворачиваться и упал бы? В конце концов, это всё ваша вина!

Не зря он был новым председателем студенческого совета, победившим в дебатах одного из конкурентов. Его слова были настолько убедительны, что даже сам Цзян Хань начал сомневаться, а не слишком ли он перегнул палку.

На самом деле Чжао Ци ещё не всё сказал. А что, если из-за сегодняшних насмешек у Фэйфэя разовьётся психологическая травма? А что, если эта травма проявится во время переходного периода?

Чем больше он думал, тем серьезнее ему казалась ситуация. Чжао Ци снова ударил по столу и, махнув рукой дежурной группе студенческого совета, скомандовал:

— Всех доставить в кабинет студенческого совета и вызвать родителей!

Дежурная группа, стоявшая за спиной Чжао Ци, ринулась вперёд. Цуй Юань, Лян Ханюй и Чжан Сяоху, присмотревшись, увидели сплошь знакомые лица.

Цзоу Дунъян, Фань Тянь, Вэй Ечэнь, Ван Имин, Хоуцзы, Цзян Цюнь, Фань Минъюнь...

Цао Сяюань, звавший всех на помощь, созвал не только нынешних учеников группы «Гого», но и бывших её членов.

Цзоу Дунъян и его компания действовали слаженно, моментально схватив «всех» нарушителей, то есть Цзян Ханя и его четверых дружков.

Когда их тащили, Цзян Хань всё ещё возмущался:

— Они тоже шумели, почему забираете только нас?

Цзоу Дунъян ответил:

— А кто сказал, что мы их не заберём? Вас слишком много, придётся делать несколько ходок.

Дружки запричитали:

— Мы будем жаловаться в школу! Ваш студенческий совет злоупотребляет властью!

Они ещё и умные слова знали.

— Наша дежурная группа, по школьным правилам, — временные сотрудники. Мы не входим в состав студенческого совета. Жалуйтесь на председателя. На временных сотрудников жаловаться бесполезно.

— Мы хотим видеть учителя! Мы хотим видеть завуча! Мы хотим видеть директора!

— Успокойтесь. Напишите объяснительные в кабинете студенческого совета, пообещаете больше не обижать одноклассников, и тогда увидите.

В первый же день учёбы устроить такой переполох — даже если бы они не хотели, им всё равно пришлось бы встретиться с руководством.

Но кого это волновало? Главное, чтобы с Фэйфэем всё было в порядке.

На полпути Цзоу Дунъян, как бы невзначай, подошёл к Чжао Ци и съязвил:

— Говорил, что школа — твоя территория, а когда Фэйфэя обидели, прибежал последним. Хвастун.

Чжао Ци бросил на него косой взгляд и подумал: «Я от школьных ворот до корпуса для первоклассников добежал за несколько минут. Если бы вы не тормозили меня своими бесконечными вопросами "что случилось?", я бы прибежал ещё быстрее».

В классе «В» учительница Хуан наконец вернулась. Она, видимо, где-то услышала о переполохе в её классе и прибежала в спешке.

Войдя в класс и увидев толпу, из-за которой в просторном помещении стало тесно, выражение лица учительницы Хуан слегка изменилось.

— Вы ведь не из нашего класса? — спросила она, обращаясь к незнакомым детям.

Цуй Юань кивнул и поздоровался с учительницей:

— Здравствуйте, учитель. Мы из соседнего первого «А». Они из первого «Б», а те из первого «В», «Г», «Д», «Е»... а те четверо из первого «Ж» и «З», их только что классные руководители забрали к родителям.

У Цуй Юаня была отличная память.

Учительница Хуан, в отличие от него, почти не изменилась в лице. Не зря она была опытным учителем с многолетним стажем — сохраняла спокойствие в любой ситуации.

Она не стала расспрашивать чужих учеников, а обратилась к своим — Элу и Линь Лэфэю.

Фэйфэй, который сначала был немного растерян, теперь уже всё понял. Оказывается, все подумали, что его обидели и даже избили, и пришли его защищать.

Ощущая искреннюю заботу друзей, малыш, когда учительница посмотрела на него, проявил недюжинную смелость. После того как он рассказал ей всю историю, он поднял ручку:

— Учитель, не ругайте их. Я могу позвать родителей. И... и написать объяснительную. За всех. Очень-очень длинную.

Какой ответственный малыш.

Дети из группы «Гого», стоявшие рядом с Фэйфэем, были тронуты до глубины души и наперебой стали заявлять, что Фэйфэю не нужно писать за них объяснительные. Они сами виноваты, что прибежали драться, и готовы понести любое наказание, будь то объяснительная или вызов родителей. Они ничего не боятся!

Учительница Хуан, глядя на эту сцену, в глубине души улыбнулась. Какие храбрые малыши.

Она была тронута их духом товарищества и решила: вызвать родителей всем.

Затем остальные ученики класса продолжили получать учебники и знакомиться друг с другом. А госпожа Хуан повела за собой вереницу детей в кабинет.

После прошлогоднего инцидента, когда кабинет оказался слишком мал для всех вызванных родителей, и им пришлось ютиться в разных кабинетах, руководство школы, извлёкши уроки из прошлого, распорядилось переоборудовать большой конференц-зал в специальный кабинет для вызова родителей.

Этот кабинет был в общем пользовании всех учителей.

Когда госпожа Хуан привела детей, в кабинете уже кто-то был. Учитель Ма, классный руководитель Цзоу Дунъяна и Ван Имина, отчитывал стоявших перед ним учеников.

— Мы помогали студенческому совету поддерживать порядок, — оправдывался Цзоу Дунъян.

Учитель Ма холодно усмехнулся:

— Поддерживать порядок, говоря, что школа — ваша вотчина? Ещё и самовольно забирали первоклассников в кабинет студенческого совета писать объяснительные. Когда я туда пришёл, первоклассники, которых вы напугали, плакали навзрыд! Вы что, мафия?

— Это не я говорил, это Чжао Ци, — пробормотал Цзоу Дунъян.

Учительница Хуан поздоровалась с господином Ма, затем села на стул и, открыв телефонную книгу, начала обзванивать родителей.

В доме семьи Линь.

Линь Сынянь ответил на звонок классной руководительницы Фэйфэя.

— Алло? Здравствуйте, да, я отец Линь Лэфэя. Учительница Хуан, что-то случилось?

Услышав, что это классная руководительница Фэйфэя, все в гостиной обернулись.

— Что? — голос Линь Сыняня повысился. — Драка? С нашим Фэйфэем всё в порядке? Его не обидели? Хорошо, учительница Хуан, подождите, я сейчас приеду! Кто посмел тронуть моего Фэйфэя... я...

Линь Сынянь не договорил, вспомнив, что всё ещё разговаривает с учительницей. Почувствовав, видимо, её недоумение на том конце провода, он сказал:

— Тогда я пока повешу трубку. Учительница Хуан, занимайтесь своими делами.

<http://bllate.org/book/13654/1603114>